

РЕПОРТАЖ НОМЕРА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ ДОМ

МХАТ: новый сезон на старой сцене

ТЕАТР, как известно, начинается с вешалки. Но до этого надо предъявить билет, и в дверях нас встречает Анна Георгиевна Кольцова, которая 27 октября тоже отмечает юбилей: ровно 55 лет назад она поступила сюда на службу и все уговоры домашних уйти на покой решительно пресекает: «Я живу театром». Анна Георгиевна отлично помнит Станиславского и Немировича-Данченко, «всех больших артистов» и буквально со слезами рассказывает о том, как уже ослепшая Книппер-Чехова вручала ей памятный мхатовский значок — именную «Чайку».

С помолодевшего шахтелевского фронтона «Чайка» снова отважно ныряет в бурные театральные воды, и для каждого москвича переезд МХАТа в старое здание означает, среди прочего, и восстановление привычного и дорогого сердцу порядка: когда работала Третьяковка, когда не закрывались Большой театр и Большой зал консерватории и свободно пускали в Ленинскую библиотеку. Все как-то сразу рухнуло в «образцовом» городе и потребовало обновления, но хочется думать, что обновленный МХАТ — одна из примет наступающих перемен. «Это возвращение в родной дом», — сказала о переезде театра Ангелина Степанова.

На знаю, какие были заботы у Станиславского с Шехтелем 85 лет назад, но за неделю до премьеры «Перламутровой Зинаиды» работы, казалось, хватало бы еще на год. Свободно было лишь в фойе, где, не наткнись на провода, можно было рассматривать цветные фонари, черные деревянные скамьи вдоль стен, стойку «чайного» буфета и трогательные надписи давних лет: «Дирекция покорнейше просит занимать места до открытия занавеса» или столь же покорнейшую просьбу «к дамам, занимающим отдельные места, снимать шляпы».

Будь у меня шляпа, я охотно сняла бы ее перед теми, кто день и ночь репетировал, доделывал, дотягивал до блистательного финала. Вот уже над сценой зависли декорации Москвы, плотно застроенной Валерием Левенталем, а сам художник, перепрыгнув через свежешлающую рампу, что-то объясняет рабочим. Суфлер не знает, как спуститься в свою будку. Олег Ефремов сидит за столом в углу сцены в образе главного героя и ждет партнершу. В четыре ему уходит на важную встречу, но

уже пятый, а репетиция все не началась.

ВМЕСТЕ с директором-распорядителем Вячеславом Ефимовым мы стоим на сцене и смотрим в зрительный зал. Он кажется маленьким, чуть ли не меньше сцены. Но в нем 1040 мест, это нормальный зал для драматического театра. Как подтвердила мне позже Анастасия Вертинская (готовая к выходу на сцену, вся в ярко-фиолетовом, красивая, как диковинная заморская птица), зритель здесь приближен к артисту, и это создает в зале особое настроение.

Кресла узкие, локтями чувствуешь соседа, спинки деревянные, сидеть нужно прямо. Вместо лож бенуара — скамьи, чтобы, повернув голову, человек встречал не перегородку, а глаза другого, чтобы между зрителями возник контакт. Таков был замысел Станиславского и Шехтеля.

Всесильный «бог деталей», задающий тон в искусстве, получил в поддержку мощную технику. Сцена уходит в глубину на 11 метров. На бетонной подушке сварен стальной стакан, в который встроена нижняя механизация. Сегодня в мире нет аналогов этому сложному и функциональному устройству, управляемому при помощи микропроцессорной техники. Все спектакли можно записывать на долговременную память, оператору понадобится несколько минут, чтобы подготовить сцену и провести очередной спектакль, равнозначный премьеры. Впервые в отечественной практике применена электронная система управления в верхней механизации сцены. Там еще много проблем, замечает Ефимов, поскольку работа экспериментальная.

Столь же высоко оснащена технически и новая сцена с залом на 200 мест, где будут идти спектакли камерного характера.

ПЕРЕСТРАИВАЛСЯ театр долго, наверное, слишком долго: менялись и неторопливо утвердились проекты, ломалось и переделывалось уже готовое, о чем рассказывает руководивший стройкой заместитель управляющего трестом «Мосжилстрой» Николай Кузнецов. Но, поскольку работа уже шла к концу, Кузнецов улыбался. Улыбнемся и мы и воздадим должное тем, кто бурил сважины, варил трубы, тянул кабели, бесцельно число раз протирал стекла, надраивал латунные детали и кому артисты первому показали свою

«Перламутровую Зинаиду» — грустную комедию о несовпадении мечты и реальности.

Однако в нашем случае мечта пусть через десять лет, но стала реальностью. Послушаем Марка Прудкина.

— Когда я забываю, сколько мне лет, — говорит мастер, 71 год назад державший экзамен в МХТ, — я думаю: а сколько же лет Художественному театру? Мы родились в один год, с разницей лишь в месяц. Я возвращаюсь в старый свой дом с двойным чувством: горечи оттого, что не увижу в нем ушедших из жизни учителей и товарищей, но и надежды, что этические идеалы и лучшие традиции Художественного театра будут воплощены в обновленном МХАТе. И это вселяет в меня душевную бодрость.

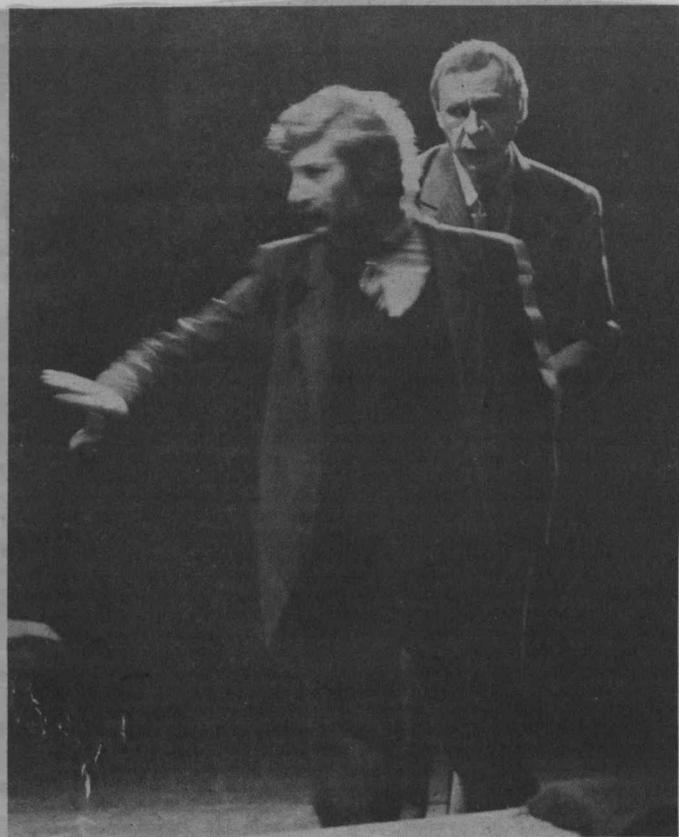
Вячеслав Невинный (среднее поколение) принципиально новое видит в возрождении «принципиально старого» театра, каким его задумывали создатели, а самый молодой актер группы Игорь Верник надеется в «этих замечательных стенах» на интересную работу, учитывающую время.

Куда поведет свой полегчавший корабль его испытанный капитан? — Вперед, — отвечает Олег Ефремов, осаждаемый со всех сторон телефонными звонками и посетителями.

— Почему было необходимо разделение труппы! — посерьезнев, продолжает он. — Решать проблемы искусства с коллективом в 160 человек нелегко, это уже не театр, а что-то другое. Вопрос стоит о внимании к каждому актеру, о выявлении его ресурсов, его утверждении, о создании ансамбля. Ни в коем случае не увеличивая труппу (сейчас в ней 75 человек), нужно ее совершенствовать. В искусстве числом не возмешь.

ВОПРОС о традициях и новом в искусстве главный режиссер понимает так:

— Традиции можно уподобить фундаментальным исследованиям в науке, которые дают жизнь самым разным направлениям. Для меня наследие, оставленное основателями Художественного театра, — тот самый фундамент, без которого невозможно движение вперед. Да, меня интересует современный театр, но когда вместо живого образа я вижу условный знак, к тому же примитивный или неглубокий, мне скучно. Как я ни силюсь, я не

Валерий Левенталь и Олег Ефремов на репетиции.

Фото Андрея КНЯЗЕВА.

в состоянии разделить восторги друзей, приверженцев такого искусства. Когда режиссер демонстрирует на сцене возможности своего интеллекта, свою неожиданную трактовку произведения, но не показывает главное — актерское искусство, для меня это бумажные деньги, не обеспеченные золотым запасом.

Жизнь меняется, порой круто. И если дальше сравнивать искусство с наукой, то художник, как Пастер, должен делать прививки на самом себе, постигать жизнь на личном опыте. Потому и говорят о личности художника, его открытости, непосредственности. Традиции требуют бесконечного обновления, обогащения, заставляют прислушаться к жизни, к самому себе. Это самый верный ориентир и в выборе репертуара, который мы уже сделали.

Сезон идет под знаменем Октября. Да и вся перестройка проходит под тем же знаменем. Поэтому для нас очень важна пьеса Шатрова, версия автора и театра об октябрьских и последующих событиях, где анализируются самые существенные вопросы жизни. Роль Ленина в этой пьесе будет исполнять Андрей Мягков, Сталина — Олег Борисов.

Поскольку «Сиюю птицу», традиционный детский спектакль МХАТа, играет другая труппа, к Новому году мы готовим детскую

пьесу по мотивам повести Евгения Носова «Незнайка».

Дальше — «Кабала святош» Булгакова, своего рода акт реабилитации театра перед писателем. Пьесу ставили до войны и очень быстро сняли. Для постановки приглашен рижский режиссер Адольф Шапиро.

В конце прошлого сезона новую пьесу «Московский хор» читала Людмила Петрушевская. Встретиться с таким драматургом — счастье, и у нас есть кому играть в этом спектакле: Ангелина Степанова, Софья Пилыевская. Молодежь увлечена инсценировкой повести Набокова «Приглашение на казнь». На новой сцене будут поставлены спектакли по рассказам Горького и новой пьесе Владимира Арно.

Это ближайший премьеры, а на днях принесет новую работу Александр Гельман, завершается инсценировка «Детей Арбата», до нового года обещает сыграть пьесу со своим «Белым одежdam» Владимир Дудинцев. Работа гигантская, к тому же предстоит двухмесячные гастроли — в Японии и в Киеве.

Что касается классики, то хотелось бы сначала взять вершину — «Бориса Годунова» Пушкина. Пускай не выйдет, пускай провалимся, но будем стремиться одолеть этот Монблан.

Возможности сейчас у нас иные, и работать нужно иначе, все только начинается...

Ольга МАРТЫНЕНКО.